

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 330–336

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 330–336

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>, EDN: XQNGXP

Научная статья

УДК [821.161.1'0'38:002.1]+930.25(470.45)

Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века

О. А. Горбань[✉], Е. М. Шептухина

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100

Горбань Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Шептухина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Аннотация. Работа находится в русле актуальных проблем документной лингвистики и теории речевых жанров. С применением жанрового подхода описаны грамматические средства выражения текстового времени в официальных документах XVIII в. из фонда Михайловского станичного агамана Государственного архива Волгоградской области. В результате сопоставления распорядительных, информирующих и регистрационно-учетных документов выявлено, что организация и грамматическое представление текстового времени отражают тенденцию к типизации, обусловленной свойствами документа и степенью его нарративности, зависящей от жанра. Установлено, что в большинстве источников точка отсчета времени фиксируемых действий и событий эксплицирована: дата составления документа и соотнесенные с ней глагольные формы в перформативной функции. В текстах с нарративным элементом глагольные формы соотносятся с этой точкой отсчета либо вступают во временные отношения между собой, что реализуется в определенных синтаксических конструкциях: сложных предложениях с придаточными времени, изъяснительными, условия и др. Набор форм варьируется, однако в целом в распорядительных документах представлены три временных плана – предшествующих, одновременных и последующих действий, в информирующих – два – предшествующих и одновременных, предшествующих и последующих. В ненарративных (учетных) документах фиксируются единичные действия либо ряд единичных действий, которые слабо связаны между собой временными отношениями, или эти отношения не эксплицированы. Такие действия относятся к одному временному плану, грамматические средства временной характеристики действий однообразны.

Ключевые слова: история русского языка, жанр, распорядительный документ, информирующий документ, регистрационно-учетный документ, документный текст, темпоральность, региональная деловая письменность

Для цитирования: Горбань О. А., Шептухина Е. М. Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 330–336. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>, EDN: XQNGXP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre determination of grammatical expression of textual chronotope in regional documents of the 18th century

O. A. Gorban[✉], E. M. Sheptukhina

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Oksana A. Gorban, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Elena M. Sheptukhina, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Abstract. The article reveals several current issues of documental linguistics and genre theory – grammatical means of expressing/actualizing textual chronotope in the 18th cent. official documents from the Archive Fund

of the Mikhailovsky Stanichny ataman of the State Archive of the Volgograd Region, which are described with the procedure of genre related analysis. By comparing organization and grammatical representation of text chronotope in administrative, informative and registration documents, there was revealed a tendency for typological genre implications defined by the document properties and the character of its narrative structure. In most sources, the reference point relative to which the time of recorded actions and events is determined was established as being explicated: the date of the document is coordinated with the associated verb forms in a performative function. In the texts with a narrative element, verb forms correlate with this reference point or enter into temporal relations with each other, which might actualize in some syntactic constructions: complex sentences with a subordinate clause of time, condition, an explanatory object clause, etc. Although the set of forms varies in the documents, some corresponding regulations were noted in administrative documents as three time spans – preceding, simultaneous and subsequent actions (in military certificates), in informing ones – two time spans – preceding and simultaneous (in reports) or preceding and subsequent (in fairy tales). In non-narrative documents (receipts, statements), single actions or a number of single actions are recorded, they are loosely interconnected by temporary relationships or these relationships are not explicated. Such actions are viewed as belonging to the same time span, grammatical means of temporal characteristics of actions are monotonous.

Keywords: history of the Russian language, genre, preceding document, simultaneous document, subsequent actions document, documentary text, temporality, regional official writing

For citation: Gorban O. A., Sheptukhina E. M. Genre determination of grammatical expression of textual chronotope in regional documents of the 18th century. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 330–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>, EDN: XQNGXP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Деловая письменность является одним важнейших лингвистических источников, поскольку ее тексты представляют собой среду функционирования языковых единиц и позволяют охарактеризовать их состав, семантику, закономерности употребления. При этом если источники донационального периода традиционно привлекаются для изучения не книжного языка (в ранние периоды, видимо, близко к живому разговорному), то документы XVIII в. и позднейшие – для исследования языка литературного в его официально-деловой разновидности. В последнее время лингвисты все чаще обращаются к региональной деловой письменности с целью описания процесса формирования национального русского литературного языка в его разнообразии, вариативности норм на всей территории государства.

Документ является и самостоятельным объектом лингвистического анализа, имея особые функции и правила построения. При его изучении могут быть использованы понятия жанра и текстовых категорий. Именно в русле этого подхода нами рассматриваются документы Войска Донского XVIII в. из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области [1].

В рамках делового стиля жанр понимается как «текстовый способ реализации в документе определенного типа социокультурной деятельности, представленной как система коммуникативных явлений, зависящих от типовых сценариев и фреймов, «обслуживающих» кон-

кретную ситуацию, а также от личностных характеристик субъектов деловой коммуникации» [2: 150]. Его описание возможно через моделирование. В отечественном языкознании известна модель речевого жанра (или анкета жанра), представленная Т. В. Шмелевой, которая выделяет семь конститутивных признаков, принимая во внимание экстралингвистические факторы, влияющие на формирование речевого жанра и выражающиеся в языковых единицах [3].

Эта модель дополняется применительно к новым речевым явлениям и с учетом достижений современной лингвистики (см., например: [4]). По отношению к документному тексту она получила уточнение в наших предыдущих работах, например: [5]. В них предложена типовая модель жанра документного текста, основу которой составляют взаимодействующие параметры: «функция», «адресант», «адресат», «информация», «структура», «модальность», «пространство», «время». Связи параметров, как показала М. В. Косова, могут быть обязательными, сильными, и факультативными, слабыми, а также прямыми и опосредованными. Параметры образуют иерархию, первый уровень которой составляют «адресант», «адресат», «функция»; второй – «информация», «структура», «модальность»; третий – «пространство» и «время». Жанрообразующими представляются параметры первого уровня [6]. Языковые средства выражения параметров в документах рассмотрены в коллективной монографии «Документы Войска Донского XVIII в.: лингвистическое описание и тексты» [7: 23–92].

Реализацию выявленных параметров в документах (конкретные «значения» параметров) можно считать жанровыми признаками. Они имеют различную релевантность для идентификации жанров и по-разному соотносятся с текстовыми категориями. Опыт описания исторических документов в аспекте текстовых категорий представлен, например, в работах Н. В. Глухих, на материале региональных деловых писем XVIII – нач. XIX в. показавшей реализацию текстовых категорий на всех уровнях текста [8]; С. В. Русановой, в Морском уставе 1720 г. выявившей связь языковых средств и приемов с текстовыми категориями аргументативности, императивности, воздейственности [9]. Из отдельных текстовых категорий наиболее полно описана модальность, поскольку именно она актуализируется жанром документа, который часто представлен в названии, передающем тип речевого действия [10: 72; 11: 26].

В связи со сказанным возникает необходимость выявить особенности выражения текстовых категорий в документах разных жанров, поскольку это позволяет, по утверждению А. В. Зиминной, говорить «о типологии документов, их свойствах и функциях в коммуникативных процессах» [12: 167], а также раскрыть тенденции их речевой стандартизации в исторической перспективе.

Грамматическая репрезентация категории темпоральности в войсковых документах разных жанров

Выделенный в предложенной жанровой модели параметр «время» соотносится с категорией текстового времени (темпоральности). Он определяется как неосновной, поскольку обусловлен другими параметрами. Время является реальным; дата создания и этапы движения документа, как правило, точно обозначены реквизитами. В центре внимания в статье находятся грамматические средства репрезентации темпоральности, к которым относятся грамматические формы глагола и некоторые сложные союзные синтаксические конструкции. Падежные и предложно-падежные формы не рассматриваются, поскольку они имеют лексико-синтаксический характер, выражая ту или иную семантику в зависимости от лексического наполнения.

Жанры документов различаются по функции, объему текстов, структуре (композиции, формуляру) и т. д. С точки зрения функции выделяются документы распорядительные, информирующие, учетно-регистрационные и др. Они различаются по нескольким критериям, в том числе по наличию нарративного компонента и, если так можно сказать, степени нарративности.

Понимание нарратива в науке различается, однако традиционно он трактуется как повествование, как текст, представляющий определенную последовательность событий [13: 86–87; 14], предполагается их временная организация, проявляющаяся в структуре предложений. В информирующих и распорядительных документах XVIII в. нарративный компонент занимает значительное место, следствием чего является объемность, развернутость текста с соответствующими синтаксическими чертами. В учетных документах связный текст, как правило, представлен одним – двумя предложениями. Этими различиями обусловлена последовательность дальнейшего описания документов.

А. Грамматическая репрезентация текстового времени в распорядительных и информирующих документах

К документам, в которых содержится нарратив, относятся войсковые грамоты, доношения, рапорты, сказки, предложения, известия и др.

Войсковая грамота – основной распорядительный документ Войска Донского. Описание этого жанра представлено в ряде наших статей и обобщено в коллективной монографии [7: 23–92]. Текст грамоты состоит из двух композиционных частей: мотивирующей и распорядительной.

В мотивирующей части описываются события, сложившаяся ситуация, которые стали причиной принятия того или иного решения. Эта часть может быть разнообразной по содержанию, в ней могут использоваться спрягаемые и неспрягаемые глагольные формы в абсолютном и относительном употреблении. В распорядительной части содержится предписание исполнения адресатом необходимых действий. В соответствии с композицией документа выстраивается временная перспектива, что находит выражение в грамматике текста. Приведем пример.

*От донских атаманов и казаков...в Михаловскую станицу станицному атаману...и казакам ОБЯВЛЯЕМ; сего года октября 15го дня по поданному...подпоручика Василья Кареева...доношению; которым **объявил** якобы ево отважские крестьяне **живут** в вашей станице а **сошли** после указного времени 710 г(о) году...Смешкины... и **приговорили** мы Воиском Донским...**послать** к вам в станицу сию нашу воисковую грамоту в которой НАПИСАТЬ чтоб вы...ежели подлинно означенныя именами...Смешкины **живуть** в станице вашей то **б** вы их всех...**выслали** для допроса и следствия, к нам...чтоб **явитца** имъ zde сего ж года ноября 5го дня неотменно; и...вам...**ответствовать** к нам писмовно сколь давно у вас станице...Смешкины **живуть** и откуль **пришли** и скасками о приходе ихъ на Дон в розыски **свидетельствованы** ль и*

те скаски в канцелярию войсковых дел **поданы** ль и ныне оные Смешкины в казачьих списках **написаны** ль и где в службе имянно **бывали** и какои же и ныне о приходе и о житии на Дону свидетельство **имеют** о том бы **привезли б** с собою к нам в Черкасской скаски; почему на поданное от означенного подпоручика Кареево доношение **учинено** от нас, **имеет быть** надлежащее...решение; и как вы...сию нашу войсковую грамоту **получите** и вам...**учинить** по вышеписанному непременно ПИСАНА в Черкасском 1735 года октября 20го дня¹ [1: д. 1, л. 3–3 об.].

В грамоте представлены разнообразные грамматические формы глагола (нулевую связку не отмечаем). Прописными буквами выделены словоформы наст. вр. в перформативной функции, инфинитива в значении, близком перформативному, которые вводят содержание каждой композиционной части, и форма страдат. прич. прош. вр., маркирующая факт создания документа. Они являются точкой отсчета, относительно которой остальные формы распределяются как обозначающие предшествующие, одновременные или последующие действия. Дата создания документа определяет эту точку на оси времени (дата, как реквизит, в большинстве документов указана).

Предшествующие события обозначены формами прош. вр. сов. вида в конкретно-фактическом значении (*объявил, сошли, приговорили, пришли* выражают перфектное значение), прош. вр. несов. вида в общефактическом значении (*бывали* называет действие, которое может трактоваться и как повторяющееся), страдат. прич. прош. вр. сов. вида (*свидетельствованы, поданы, написаны* выражают перфектное значение).

После формы *написать* время переключается в план будущего по отношению к точке отсчета и ведущими становятся формы независимого инфинитива (*явитца, ответствовать, учинить*), сослагательного наклонения (*выслали б, привезли б*), обозначающие предписываемые действия. С ними соотносятся форма буд. вр. *получите* и словосочетание *имеет быть учинено*, где *быть учинено* называет должное действие как осуществимое в будущем, а *имеет* связывает наличие долженствования с настоящим (сочетание «имеет + инфинитив» восходит к древней форме буд. сложного I).

План настоящего представлен формами презенса *живут* и *имеют* в значении настоящего расширенного, которые соотносятся и с *объявил, приговорили*, и с *объявляем, написать, писана*, и с *получите* как называющие одновременные действия.

Все указанные словоформы в тексте выражают сложные временные отношения. Многие из них отмечены в относительном употреблении и вводятся в придаточных предложениях с различными союзными средствами: *объявил якобы...живут, сошли; написать чтоб...ежели живут...то б выслали; ответствовать...сколь давно...живуть, откуль пришли...свидетельствованы ль...поданы ль...написаны ль, где...бывали; как получите...учинить*. Словоформа *послать* предшествует словоформе *написать*, однако в реальности действия «послать» следует за действием «написать»; оно может восприниматься как само собой разумеющееся, не ключевое во временной организации повествования.

В разных грамотах набор форм варьируется в зависимости от содержания, однако в целом можно выделить общую рамку, в которую вписывается развертывание событий. Схему организации временного пространства можно представить следующим образом (здесь и далее в круглых скобках даны факультативные элементы):

объявляем – <описание предшествующих событий или существующего положения дел> – (**предлагаем/приговорили**) – <перечисление последующих и предписываемых действий> – **писана** <дата составления документа>

Темпоральная рамка задается формами глагола в перформативном употреблении (наст. вр., прош. вр. сов. вида в перфектном значении²), которые являются точками отсчета для временных форм в абсолютном употреблении; они совпадают со временем создания документа.

Для сравнения обратимся к **рапорту** – документу, информирующему о каких-либо событиях или состоянии дел:

Сего августа 15го дня...о знани нами...козака Григоря Полетаева пасынка ево Ивана Салавкова о котром...Тимофеи Устинов **свидетелствует** якобы онои Иванъ подлинно Палетаевъ казачеи сынъ...на полном нашем станицном зборе мы **справлялис** при сем **явила**с что онои Иванъ...пасынокъ...которого казачьим...реченьюи казакъ Устинов **называет** ложно и въ жителстве он Устинов у себе ево Ивана **держжал** до сего времени **не явя** нам станице и онаи Иван у нас в станицы **не родился** а где он **родился** и откуль и давно ль к нам в станицу **пришел** и какъ **взрос** того мы...**не знаем** також в прошлом 1751 м году...мы станицею ево Ивана для написания в козакки никогда **не представляли** а **представлял** ли ево

¹Тексты приводятся в упрощенной графике. Опускаются развернутые именные конструкции, не участвующие в выражении текстового времени.

²Возможность употребления перфекта в данной функции еще в древнерусских грамотах отмечалась А. А. Зализняком [15: 174–176].

бывшей наш атаман...мы про то **не знаем** и то они Иванъ на нас **показалъ** ложно жь и реченьная сестра ево Иванова Ирина **радилас** ли у нас в станицы или с Руси **сведена** и кто ее **крестил** про то мы...также **не знаемъ** а требуемых ево Ивановыхъ держатели...для дапросовъ к вашему благородию **представляем** а Ефтропъ Кумин и Трифон Калинин **находятца** ныне в службе...такожъ Киприян Шашурин...весь в ранах **находитца** :/ о сем покорнейши РЕПОРТУЕТ...атаман Григорей Пековъ старики и вся станицы козаки :/ августа 18го дня 1753го году [1: д. 9, л. 9–10].

В рапорте употреблена форма наст. вр. в перформативной функции *репортует*; по времени действие совпадает с датой составления документа, которая является точкой отсчета. Все остальные действия выражают планы прошлого (*справлялис, явилас, держал, явя, родилс, пришел, взрос, представляли, представлял, показал, радилас, сведена, крестил*) и настоящего (*свидетелствует, называет, знаем, представляем, находятца, находятца*). В основном это формы наст. вр. (настоящее актуальное и расширенное), прош. вр. сов. и несов. вида (обозначают единичные и длительные действия) в абсолютном и относительном употреблении. Схему текстового времени можно представить следующим образом:

<описание предшествующих событий или существующего положения дел> – **репортуем / репортуют** – <дата составления документа>

По содержанию и функции к рапортам приближаются **сказки** – документы, в которых фиксировались свидетельские показания по следственным делам.

Сказки состоят из трех композиционных частей. Первая включает сведения об обстоятельствах допроса: когда, кто, при каких условиях, на основании каких полномочий проводил допрос, кто был допрошен; вторая – сведения по делу; третья – указание на адресанта, подтверждение достоверности сведений, подпись. Например:

1749 году февраля 26 дня...станицной атаман...при собрани полнаго станицного збору козаков **допрашивал**...козаковъ, Ефима Усова Ивана Саранина...про живуцаго в Луковской станицы Селивана Василева которые под темъ обезательством СКАЗАЛИ что отецъ ево Василей Милованов **был** козакъ и козацьи службы...**производил** а онъ Селиванъ доподлинно козацьи сынъ а отецъ ево **умре** там, назатъ восмнатцать летъ и какъ мать ево Селиванова...**сшед** к намъ в Михайловскую станицу...где ево Селивана и **родила** и по прошествию трех летъ **свела** мать ево Селивана в показанную Луковскую станицу...а ежели мы...всеи своеи скаскои сказали что ложно и впредь кемъ **изобличины будемъ** в такомъ случае **повинны будемъ** как...указы **повелевают** смертнои казни в чемъ сию СКАСКУ ДАЛИ

под которую вместо себя и подписатца ПРОСИЛИ а сию сказку ПИСАЛ...станицной писарь Иванъ Вешняковъ [1: д. 5, л. 5–5 об.].

В сказке употреблены формы прош. вр. сов. вида *сказали* и (*сказку*) *дали* в перфектном значении и несов. вида *писал* (действие *просили* второстепенное, входит в процедуру написания документа по устным речам), сближающиеся с перформативом. По времени действия они совпадают с датой проведения допроса (она, видимо, является и датой составления документа). Таким образом, обозначения временной точки отсчета в начале и в конце документа создают темпоральную рамку, внутри которой используются формы прош. вр. (включая архаичный аорист *умре* как устойчивый оборот) для указания на события, предшествующие времени создания документа, формы наст. вр. – на существующее положение дел, буд. вр. – на возможные последствия за дачу ложных показаний. Схему развертывания текстового времени можно представить таким образом:

<дата составления документа> – (*допрашивал*) **сказали** <описание предшествующих событий и существующего положения дел> – (*ежели* *сказали*) – <возможные действия в будущем> – **скаску дали**

Рассмотренные документы содержат нарративный элемент, темпоральные отношения и репрезентация их грамматическими средствами разнообразны и сложны, однако обнаруживаются некоторые закономерности организации текстового времени.

Б. Грамматическая репрезентация текстового времени в учетно-регистрационных документах

Учетно-регистрационные документы не содержат нарратива. В качестве примера репрезентации текстового времени в них рассмотрим расписку и ведомость.

Расписка – удостоверительный документ, фиксирующий факт принятия чего-либо в свое распоряжение:

1753го году мая 10 дня в канцелярию Хоперской крепости присланные...колодники Никита Петров сынъ Кулешев...Селиверстъ Яковлевъ города Казлова однадворецъ чрезъ...козака Степана Серкова **приняты** [1: д. 8, л. 25].

Компоненты формуляра имеют жесткую последовательность и образуют одно предложение. Форма страдат. прич. прош. вр. сов. вида в перфектном значении *приняты* называет подтверждаемое действие как отдельный факт и соотносится с датой составления документа. Развертывания событий во временной перспективе не происходит, текстовое время

однопланово. Схема его организации следующая:

<дата совершения действия> – **принят**

Ведомость – учетный документ, содержащий перечень предметов, денежных средств, принятых или отданных в чье-либо распоряжение, регистрирующий факт этих действий:

1753го году марта 20го дня **принято** станишным атаманом Антоном Неменковым...денегъ 120 рублеи :/ расход

марта 20го дня **отдано** козаку Тимофею Устинову...**заплачено** 5...**куплено**...железа 3 пудовъ 20 фунтовъ...**заплачено** денегъ...за семь стекол **заплачено** денегъ <...> [1: д. 8, л. 18–18 об.].

Текстовое время в этом документе организуется рядом отдельных действий, совершенных в прошлом и привязанных к определенной дате:

<дата совершения действия> – **принято / отдано / заплачено / куплено**

Можно предположить, что в реальности действия были совершены в определенной последовательности, однако это не эксплицировано в тексте специальными языковыми средствами. Все действия выражены формами страдат. прич. прош. вр. сов. вида, их лексическое наполнение однообразно.

Учетно-регистрационные документы из-за отсутствия в них нарратива характеризуются однообразием средств выражения темпоральности и, следовательно, большей по сравнению с распорядительными и информирующими документами стандартизованностью.

Заключение

Организация и грамматическое представление текстового времени в документах имеют сходство и различия, что определяется общими свойствами документного текста. Выражение темпоральности обусловлено жанром документа, в первую очередь функцией – информировать подробно о сложившейся ситуации, рассказать о событиях, предписать выполнение действий либо зарегистрировать единичный

факт как отдельное действие вне цепи других действий в рамках сложного события. Функция в некоторой степени определяет содержание и форму документа.

Тенденция к стандартизации документного текста проявляется в его структуре. Темпоральность же относится к содержательной стороне текста, которая по-своему реализуется в каждом документе. Однако и здесь наблюдается некоторая типизация, степень ее зависит от жанра документа.

Общим для документов является эксплицированность точки отсчета, относительно которой определяется время фиксируемых действий, событий. Это дата создания документа, с которой соотносится грамматическая форма наст. или прош. вр. сов. вида в перформативной функции, а также форма страдательного причастия прош. вр. сов. вида. Эти глагольные единицы часто связаны со структурой текста: могут входить в устойчивые выражения, образующие формуляр документа, и быть постоянными или обязательными.

Различия заключаются в том, что в текстах с нарративным элементом остальные формы соотносятся с этой точкой отсчета как абсолютные либо вступают во временные отношения между собой как относительные, что может реализоваться в соответствующих синтаксических конструкциях (сложных предложениях с придаточными времени, изъяснительными, условия и др.). Набор этих форм может варьироваться в зависимости от содержания документа (даже в пределах одного жанра), однако в целом в распорядительных документах (войсковой грамоте) представлены три временных плана – предшествующих, одновременных и последующих действий, в информирующих, как правило, два – предшествующих и одновременных (рапорт) или предшествующих и последующих (сказка). В ненарративных документах (расписка, ведомость) фиксируются единичные действия либо ряд единичных действий, которые слабо связаны между собой временными отношениями. Такие действия относятся к одному временному плану, грамматические средства их временной характеристики однообразны: чаще всего это одна грамматическая форма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фонд «Михайловский станичный атаман» // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 332. Оп. 1.
2. Трофимова О. В. Процесс формализации речевых жанров и становление жанров русского документа // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 4. С. 150–153.
3. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательство Госу-

дарственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

4. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

5. Gorban O. A., Ilyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M. Cossack military charters of the mid18th century: Genre distinction // XLinguae Journal. 2017, June. Vol. 10, iss. 3. P. 123–136. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

6. Косова М. В. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2017. С. 123–134.

7. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты: монография / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. М. Шептухина ; отв. ред. О. А. Горбань. Волгоград : Издательство ВолГУ, 2020. 464 с.

8. Глухих Н. В. Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2008. 169 с.

9. Русанова С. В. Морской устав 1720 г.: о функциональной обусловленности языковых средств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 90–101. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

10. Качалкин А. Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. № 6. С. 69–76.

11. Киреева Е. З. Жанр как актуализатор текстовой модальности (на материале документов регионального законодательства) // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 25–38. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38>

12. Зимица А. В. Речевая организация документа в аспекте текстовых категорий // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: сб. ст. ежегодной конференции / гл. ред. И. М. Нохрин. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. С. 161–168.

13. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 86–93.

14. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

15. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М. : Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

REFERENCES

1. Fond “Mikhailovskii stanichniy ataman” [The Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman]. Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State Archive of Volgograd Region], f. 332, op. 1 (in Russian).

2. Trofimova O. V. The process of formalization of speech genres and the formation of genres of the Russian document. *Tyumen State University Herald*, 2003, no. 4, pp. 150–153 (in Russian).

3. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

4. Demyntsev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th

Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

5. Gorban O. A., Ilyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M. Cossack military charters of the mid18th century: Genre distinction. *XLinguae Journal*, 2017, June, vol. 10, iss. 3, pp. 123–136. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

6. Kosova M. V. Dynamics of genre parameters of regional documents of the 18th century. In: *Tekst v iazyke, rechi, kul'ture: sb. nauch. st.* [Text in language, speech, culture: Coll. sci. arts]. Minsk, RIVSh Publ., 2017, pp. 123–134 (in Russian).

7. Dokumenty Voiska Donskogo XVIII veka: lingvističeskoe opisanie i teksty: monografiia. Otv. red. O. A. Gorban' [Gorban' O. A., ed. Documents of the Don Army of the 18th century: linguistic description and texts]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2020. 464 p. (in Russian).

8. Glukhikh N. V. *Delovoi epistoljarii kontsa XVIII – nachala XIX v. na Juzhnom Urале: lingvistika teksta* [Business epistolary of the late 18th – early 19th centuries in the Southern Urals: Linguistics of the text]. Cheliabinsk, Poligraf-Master, 2008, 169 p. (in Russian).

9. Rusanova S. V. The Maritime charter of 1720: on the functional conditionality of language means. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 6, pp. 90–101 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

10. Kachalkin A. N. Content and style properties of business texts of the 17th century. *Russian Speech*, 2014, no. 6, pp. 69–76 (in Russian).

11. Kireeva E. Z. Genre as a textual modality actualizer (on the basis of regional legislation documents). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 25–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38>

12. Zimina A. V. Speech organization of the document in the aspect of text categories. In: *Gumanitarnye issledovaniia molodykh uchenykh Juzhnogo Urала: sb. st. ezhegodnoi konferentsii. Gl. red. I. M. Nokhrin* [Nokhrin I. M., ch. ed. Humanitarian studies of young scientists of the Southern Urals: Coll. sci. arts of the annual conference]. Cheliabinsk, Cheliabinski State University Publ., 2020, pp. 161–168 (in Russian).

13. Sheigal E. I. A multifaceted narrative. *Political Linguistics*, 2007, iss. 2 (22), pp. 86–93 (in Russian).

14. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p. (in Russian).

15. Zalizniak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Ancient Novgorod dialect]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 872 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 23.12.2022
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 23.12.2022